

ПРАВОСЛАВНАЯ ПАРАДИГМА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В последнее время в нашу российскую действительность, а, соответственно, и в литературу постепенно возвращается понимание того, что национальная культура немислима без своего религиозной основы. Эта исходная и концептуально важная установка дает основания рассматривать русскую классическую литературу как часть русской христианской культуры в целом.

Современный ученый-филолог В.И. Кулешов авторитетно отмечает: «Возвращение к религии, к духовно-нравственным началам – пожалуй, одна из самых ярких черт современного мирозерцания. Особенно актуально это для всей духовной ситуации в России наших дней, находящейся на пути к самовосстановлению. Устранение многих идеологических ограничений стимулировало научные поиски в сфере изучения этико-философских и религиозных основ историко-литературного процесса. Сейчас, когда наше литературоведение освобождается от атеистических штампов и давления всякого рода идеологических догм, задача прочтения русской классики в русле сквозной проблемы взаимодействия литературы и христианства представляет не просто несомненный интерес, но становится остро актуальной. Осознание христианского (а именно – православного) подтекста русской литературы как особого предмета изучения становится одной из важнейших задач литературоведения»[1, с. 4].

Русская классика постепенно начинает осмысливаться как религиозный феномен. При этом необходимо подчеркнуть тот факт, что русская литература никогда не была только словесностью и только красивыми словами. За словом всегда стояли проповедь, дело, жажда подвига, стремление к созидательному творчеству. Проповеднический характер русской литературы отмечается многими отечественными исследователями (А.М. Панченко, И.А. Есаулов, В.А. Воропаев, М.М. Дунаев, В.А. Котельников, П.Е. Бухаркин, О.Ю. Золотухина и др.).

Хочется надеяться, что такое осмысление будет призвано не к очередному рассмотрению литературных явлений по идеологическому основанию, а к объективному и беспристрастному прояснению сущности духовных исканий писателей, анализу глубоких и порой парадоксальных религиозных смыслов их образных миров. Вместе с тем надо отметить, что русская литература была разнонаправленной. Порой непросто определить духовно-мировоззренческий статус, к которому можно причислить и Достоевского, и Толстого, Лескова и Бунина, Гоголя и Тургенева,. Можно, как мне кажется, говорить лишь о тенденциях. А они были разнонаправленными. У каждого писателя наблюдается определенная, только ему присущая логика, своя позиция на мир, общество, человека, своя определенная система ценностей, своя концепцию бытия, поэтому сегодня крайне важна смена исследовательской оптики: необходимо отойти от давно утвердившегося и привычного социального препарирования литературы и обратиться к ее религиозному постижению.

В то же время, кроме сугубо личных, индивидуальных мук творчества русских писателей всегда объединяло еще и нечто общее: преемственность задач, разработка вопросов, связанных с определением общественного идеала, которого от них ждало общество, а главное – освещение этим идеалом жизни таким образом, чтобы ясно была видна общая дорога. Все великие русские писатели стремились найти тот единственный путь, который можно было бы проложить к человеческим сердцам и душам

Поэтому издавна и прочно сложившееся в нашей исторической памяти понятие «русский писатель» означало что-то значительно большее, чем только писатель, и одновременно, по мнению Достоевского, значительно большее, чем просто представитель русской культуры.

В XX веке эту мысль великого русского классика продолжит и современный автор – Е. Евтушенко, провозгласивший: «Поэт в России больше, чем поэт»?

Русские писатели свой труд, свое творчество осмысливали, как Промысел Божий. В Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть...»! (Ин. 1, 1). Эту истину, каждый по-своему, повторяли многие русские писатели. Для русского писателя она стала аксиомой высочайшего предназначения и особой миссии русской словесности. Слово обладает величайшим творческим смыслом, неоспоримой ценностью, оно является связующей нитью между двух миров: Божественным и человеческим.

Такая вера и сила слова определяли мощь и значимость русской литературы. Писатели подхватили Библейский наказ: «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом Божьим». Исходя из этого, русская литература смогла глубоко и емко почувствовать, что значит: не хлебом единым, другими словами, хлебом также, но не только им одним.

Стяжание духовного богатства традиционно считалось в России более высокой целью, чем погоня за ускользающими материальными благами. Наша литература словно вооружилась заповедью Нагорной проповеди: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6, 19-20); «Ищите же прежде всего Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33).

В этой заповеди – суть русской культуры, ставящей на первое место духовный поиск, стремление к высшим, вечным ценностям. Не будем забывать, что герои русской классической литературы знакомы не понаслышке с противостоянием двух устремлений, разъедающих душу и разум, – это стремление как к земным, так и к небесным, так как известно, что человек в своих действиях обречен на выбор между добром и злом. Вместе с тем, наша великая русская литература выявила эту борьбу духа, обнажив читателю такие глубины терзаний совести, такие бездны бесконечных душевных переживаний, которые западной литературе были совершенно недоступны. Однако это вовсе не означает что западный человек хуже и примитивнее нас, нет, просто мы – иные, и эта «инаковость» позволяет нам испытывать и особую гордость, и жгучую совесть, и обостренное чувство правды и справедливости.

Магистральной задачей и целью русских писателей был процесс многотрудного, противоречивого, становления, духовного рождения и появления «в человеке человека», личности с ее постоянной и определяемой как двуединой проблемой неизбежной исторической обособленности и обусловленности и нравственно необходимой зависимости от человечества, народа, и в целом, общества общества. Главным принципом у русских писателей, по выражению Чехова, является то, что «человек должен быть не "маленьким" и не "лишним", не чиновником, не унтером, не попрыгуньей, не душечкой, не Ионычем, а Человеком».

Особо следует подчеркнуть, что у русской литературы было и есть мощное внутреннее духовное ядро – Православие. Всё из него, и всё им обусловлено. Всегда, в трудные времена так называемого торжества ненависти и безверия, духовного распада, русская литература стремилась художественно осмыслить и использовать тот потенциал спасительной силы, который несут в себе воды национальной жизни, питаемые неизменным и неиссякаемым евангельским источником. На Руси с момента Крещения абсолютно исчерпывающим философские потребности русского народа мировоззрением стало именно Православие. Православное христианство, выполняла по мысли религиозного философа И.А. Ильина, «национальное задание», другими словами, формировала русскую идею, определяла историю страны. В этот период основной идеей отечественной литературы становится идея духовного предназначения русской нации, ее «стояния перед Богом». Такая связь с Православием дала возможность русской

литературе осмыслить и поднять главные вопросы человеческого бытия на высоту философского осознания мира.

Русская классика всегда выполняла роль мудрого «детоводителя» ко Христу. Это была ее основная функция. То же самое она продолжает делать и сегодня.

Христианское содержание художественного наследия русских писателей, их углубленное понимание дает возможность расширенного философского, литературоведческого, культурологического горизонтов понимания человека, как носителя и хранителя религиозного опыта во всей его полноте и онтологической значимости. Обращение к освоению христианского подтекста русской классики расширяет формат исследовательского понимания человека в искусстве слова. Так складываются самые главные, основополагающие черты русской классической литературы. Это была литература, рассматривающая личность, ее ценность сквозь призму вечных сверхличностных начал.

Христианское мировидение формировало в русской классике шкалу аксиологических представлений об истории и современности в их духовно-нравственном измерении. Православная литература учила, учит и, уверен, будет учить православному воззрению на человека. В масштабном, общецивилизационном смысле это является основой русского миропонимания и русского способа бытия в мире.

В русской литературе в качестве источника противодействия и сопротивления социальным обстоятельствам выступало духовное «самостоянье» главного героя. Вместе с тем, необходимо отметить, что русские писатели никогда не рассматривали человека как идеализированную сущность. Первым, кто в русской литературе утверждал, что образ человека основывается на более высокой сущности, а личность существует как сверхличное, в противном случае, она исчезает, растворяется, был А.С. Пушкин. Н.В. Гоголь очень точно охарактеризовал эту ситуацию: «человек у Бога – вечный ученик».

Русская классическая литература всегда ставила во главу угла фундаментальные вопросы бытия, рассматривала изначальные базовые нравственные основания человеческой жизни, искала такие духовные ориентиры, которые формировали парадигму ценностно-смысловых оснований. В силу исторических условий Россия всегда находилась на грани: на грани Европы и Азии, на грани Востока и Запада, на грани захвата и даже уничтожения, на грани раскола, на грани пропасти и на переднем крае борьбы добра и зла. И не просто находилась, но переживала это рубежное состояние, искала неколебимую духовную основу не во вне, а внутри себя. Эти грани остро чувствовала наша литература. Коллизии в произведениях русских авторов особо обострены и накалены. Характеры литературных героев сложны и неоднозначны в своих проявлениях.

Если же говорить о главном конфликте произведений русской классики, то здесь уместно вспомнить слова Ф.М. Достоевского: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердце человеческое...». И эта борьба в сердцах героев ни на минуту не прекращается. Они мучительно терзаются жгучими вопросами бытия: зачем я живу на свете? что есть истина? какова цель этой жизни? что составляет главную ценность в мире? если есть Бог, то как может быть зло, а если есть Зло, то как может быть Бог? Эти клокочущие вопросы – самые роковые, самые страшные и бездонные.

Вне сферы религиозной, духовно-нравственной проблематики невозможно представить искания многих героев отечественной литературы: и Печорин, и Онегин, и Базаров, и Обломов, и Раскольников, и Безухов, и братья Димитрий, Иван и Алексей Карамазовы, и Анна Каренина, и Соня Мармеладова, и Андрей Болконский, и герои чеховской прозы и драматургии непрестанно изводили себя, чтобы понять главное: для чего они пришли на эту землю? в чем их предназначение? в чем истинный смысл жизни?

Русская классическая литература рассматривает базовые вопросы бытия, анализирует те нравственные основания человеческой жизни, которые способствуют

формированию личностного восприятия мира сквозь призму исходных духовных ориентиров.

Любимые герои русской литературы, живущие по евангельским заповедям, «духовной жаждою» томимы. В них проявляется «божественное начало»: например, Татьяна Ларина отказывается от счастья быть с любимым, Тарас Бульба убивает родного сына за предательство и вероотступничество, близорукий Пьер Безухов оказывается на поле сражения, Родион Раскольников находится на грани безумия после убийства проценщицы. При этом важно подчеркнуть, что русскому писателю совсем не обязательно было в качестве некой демонстрации своей воцерковленности прямо упоминать в своих произведениях имя Христа. Скажем, Г.П. Федотов назвал произведение А.С. Пушкина «Капитанскую дочку» самым христианским произведением русской литературы, несмотря на то, что религиозные мотивы в повести непосредственно и не проявляются.

Дальнейшее развитие русской литературы уже XX веке показало довольно пёструю картину религиозных поисков в достаточно широком диапазоне от подъемов истинно христианского чувства, например, в зрелой поэзии А. Ахматовой, прозе И. Шмелева, Б. Зайцева пастернаковских «Стихотворениях Юрия Живаго».. Уже в XX в. христианское мировоззрение так же оказывало существенное воздействие на отечественную культуру и литературу, в том числе. Христианский мировоззренческий и образный контекст давал возможность всесторонне осмысливать такие художественные проявления, как комплекс «неохристианских» идей Серебряного века; историософская романистика Д. Мережковского и «богостроительские» поиски, метания устремления в творчестве М. Горького; «различные эксперименты героев прозы и драматургии Л. Андреева; создание «человекобожеской» утопии в лирическом и поэжном творчестве В. Маяковского («Облако в штанах», «Человек»), С. Есенина («Пришествие», «Преображение», «Товарищ», «Инония»); трансформация житийного жанра в литературе соцреализма («Как закалялась сталь» Н. Островского); религиозно-философские аспекты содержания «Мастера и Маргариты» М. Булгакова.

Как справедливо отмечал И. Ильин, наша литература «вместила в себя глубочайшие идеи русской религиозности и сама стала органом национального самосознания»[2, с. 174].

Всё сказанное дает возможность сделать вывод о том, что русская классическая литература должна быть осознана в качестве важнейшего памятника духовных исканий и религиозно-философских интуиций. Эти поиски, к сожалению, часто становились трагически окрашенными, что свидетельствовало напряженной борьбе веры и сомнения в душе художника, а также его устремления к Богу.

Серьезное изучение роли преподавания литературы (как школьное, так и вузовское) в этом плане пока находится на начальной стадии, но в то же время и, несет в своей основе важные духовно-нравственные и воспитательные смыслы. Однако уже отраднo констатировать, что в нашей филологической науке в последние годы появилось самостоятельное и крайне востребованное исследовательское направление, которое получило название «Религиозная филология». Словом, «лед тронулся...»

Ну, а в завершении хочу привести стихи иеромонаха Романа Матюшина, которые, как мне думается, очень уместно и органично вписываются в контекст рассматриваемой проблемы:

*Без Бога нация – толпа,
Объединённая пороком,
Или слепа, или глупа,
Иль, что ещё страшней, – жестока.*

*И пусть на трон взойдёт любой,
Глаголющий высоким слогом.*

*Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу!*

Сказано весомо, емко и глубоко. Действительно, это так. Добавлю только одно: и страна без Бога – не страна, а так, географическое пространство. Пустое.

Литература

1. Кулешов В.И. Русская литература XIX века и христианство. – М.: МГУ, 1997.
2. Ильин И.А. Одинокий художник. – М., 1993.

Гоголюк Юлиан Евгеньевич, протоиерей
кандидат богословия, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)

ЭКЗЕГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ВЕРА» В РАННИЙ ПЕРИОД ВЕТХОЗАВЕТНОЙ ИСТОРИИ

В рассказе о сотворении первых людей и их грехопадении мы не найдем упоминания о вере. Нет там и исследуемого нами термина, который передает особые свойства ветхозаветной веры. Но можно предположить, что вера присутствовала в первых людях неявно, она еще не оформилась как религиозное отношение к Богу. «Начало веры современно началу человеческого рода. Действительно, первые люди в своем невинном состоянии могли воспринять и сохранить духовно-нравственный порядок, установленный для них Богом, только через непосредственную, искреннюю веру своему Творцу» [1, с. 308]. Известно, что человек носит в себе образ и подобие Божие, так что вера находится в самой природе Бога, а Бог является верным. Значит и человек, должен был обладать верой и отображать в себе эту природу.

Первые люди, как это становится ясным из библейского рассказа о грехопадении, стояли на распутье. Можно было верить Богу, полностью доверив Ему одному свое бытие, вручить себя в водительство Богу и следовать Его изначальному замыслу. А можно было не верить Ему и попытаться достичь обожения без Бога и даже наперекор Богу, добиваясь совершенства независимо от Него. И Адам, и Ева отвергли путь веры. Можно сказать, что роковую роль в событии их грехопадения сыграл именно недостаток веры. Ведь искушение обольстителя первых людей было направлено в первую очередь против веры Богу: «Подлинно ли сказал Бог?..» (Быт. 3,1). То есть Бог и его слова ставились под сомнение. Праматерь Ева, таким образом, – это первый пример, первая парадигма человеческого неверия Богу: вместо полного упования на Своего Творца и совершенного доверия только Ему одному, она поверила искусителю (Быт. 3,4-6).

Признаки, через которые видна вера первых людей в рассказе Быт. 3 весьма немногочисленны, но мы можем выделить «древо жизни», «древо познания добра и зла» и сам акт познания. Что касается термина «познать», то мы выяснили, что русское словоупотребление не соответствует библейскому еврейскому. «Познать» в Библии означает не интеллектуальный акт, а опытный, касающийся всего существа: вступить в опытный контакт, вместить в себя, вкусить. Поэтому говорится о плодах древа, которые можно вкусить или съесть» [2, с. 102].

«Добро и зло» является идиоматическим выражением. Словосочетаний, аналогичных выражению «добро и зло» в Библии можно найти много: «небо и земля», «плоть и кровь», «ложиться и вставать» (Пс. 3, 6), «садиться и вставать» (Пс. 138, 2) и т. д. Во всех этих выражениях соединены противоположности, с помощью которых передается состояние какой-либо полноты. Противоположности не исключают друг друга, а напротив передают внутреннюю целостность. Полноте всего мира соответствует небо и земля, полноте человека – плоть и кровь, полноте жизнедеятельности – примеры, приведенные из псалмов. Значит «добро и зло» тоже обозначают полноту, нечто цельное и